

Автопортрет в компании Пушкина и Гоголя

Писатель Владимир Войнович обещает продолжение своего знаменитого "Чонкина"

Независимая газ. - 2001 - 10 июля - с. 9

Александр Беляев

Владимир Войнович – человек, которого не надо представлять. А вот узнать, чем он живет сегодня, всегда интересно.

Владимир Николаевич, недавно в Москве прошел Конгресс соотечественников ближнего и дальнего зарубежья. Как вы думаете, какая национальная идея могла бы объединить россиян, живущих в России и оказавшихся за ее рубежами?

– Такой идеей является Россия, наша общая родина – и тех, кто здесь живет, и тех, кто от нее оторван. Наверное, должно быть какое-то общее представление о благополучии нашей родины. Я не представляю себе этой идеи в отрыве от общей идеи европейской цивилизации.

– Вы живете сейчас на два дома – в Москве и в Германии? Не тяжело ли?

– На два дома сложно живется. Мне нужен дом – один и чтобы этот дом был главный. А так у меня чуть ли не раздвоение личности. Впрочем, у людей есть дачи – у меня дачи нет. Так что второй мой дом можно считать за дачу. Да я уже и привык: сейчас сижу здесь, а через два с половиной часа – уже в Германии... А вообще-то у меня такой характер. Вот занялся живописью, думал – с утра немного попишу, потом порисую... Не получается!

– У вас есть друзья?

– Писательство – дело одинокое. Друзья у меня есть, но одни уже на том свете, иные, как Смехов, живут в других местах. Среди моих друзей есть граждане самых разных стран. Даже есть и неграждане: мой двоюродный брат живет в Латвии и не является гражданином этой страны. Есть у меня, конечно, и враги, но это люди, с которыми я не знаком.

– Отчего пересорились люди вашего поколения – шестидесятники?

– Вы знаете, у Дмитрия Кедрина есть строки: "У поэтов есть такой обычай / В круг сойдясь оплевывать друг друга". У поэтов, да и у политиков, всегда есть дух соперничества, желание доказать, что ты самый главный, самый лучший. Я не могу сказать, что с кем-то что-то не поделил. Человек я довольно миролюбивый, независтливый и ничье место занимать не собираюсь. Что мы не поделили? Просто мы по-разному жили, по-разному относились к Советской власти.

– Что вы любите в книгах Владимира Войновича, а что не любите?

– То, что хорошо, мне нравится, а то, что плохо, – нет.

Мне иногда нравятся мои вещи не целиком, а какими-то частями. В повести "Мы здесь живем", которую я никогда не переиздаю, я люблю какие-то диалоги. Вообще, если анализировать самого себя, то я считаю, что мне лучше удаются диалоги, чем описания природы. Кроме того, у меня есть образы, которыми я более или менее доволен. Недавно я прочел в "Новом мире", что Солженицын, оказываясь, на меня очень сильно обиделся за образ Сим Симыча Карнавалова, даже написал, что я, мол, этому своему ненавистному герою приписываю какие-то неблагоприятные вещи. Я пока не собираюсь ему ответить, но если соберусь, то скажу, что Сим Симыч совсем не ненавистный герой, а один из самых любимых. Я его люблю наравне с Чонкиным.

– Пишется ли продолжение вашего "Чонкина"?

– Оно уже есть, но я его пока не печатаю, потому что все заинтересованные издатели говорят, что еще на прилавках старый "Чонкин" лежит. Вернее будет сказать, у меня есть не продолжение "Чонкина", а, так сказать, окончательная версия, где рассказывается вся его жизнь,

Владимир Войнович: "Писательство – дело одинокое".

Фото ИТАР-ТАСС

как и было задумано. Его история кончается где-то в 90-х годах.

– Интересуетесь ли вы политикой?

– Я политикой интересуюсь постольку-поскольку и, вообще-то говоря, не считаю себя человеком политическим. Но от политики зависит наша реальная жизнь – в России больше, чем где бы то ни было. Когда я жил в Германии, не интересовался внутренней политикой, потому что она меня там не касалась. А здесь она меня касается лично.

– Вы доверяете политикам?

– Политикам можно верить, но только с осторожностью. Потому что политика, как говорят сами политики, – это искусство возможного, это постоянные компромиссы, постоянные переходы в сферы применения недовольных средств. Может быть, поэтому успешный политик и очень порядочный человек – это понятия абсолютно несовместимые.

– Кто-нибудь из политиков вам симпатичен?

– Я дружу с Сергеем Юшенковым – он замечательный человек. Именно поэтому я сомневаюсь, что он может достичь в политике больших успехов. Очень хорошо отношусь к Гайдару, и всякие разговоры, что он ограбил страну, вызывают во мне сильное раздражение. Гайдар принял на себя власть, огромную ответственность, когда страна уже была разорена, причем – не им разорена! Я помню магазины того времени. Я как-то зашел в магазин "Колбасы" на Цветном бульваре – там сидели три продавщицы и кассирша, на прилавках стояли пакетики – "Кофейный напиток". Вот и весь товар, что был в магазине "Колбасы"! Зашел в магазин "Овощи-Фрукты" – там продавали комки грязи. Я долго их разглядывал, пока не понял, что это полугнилая морковь. Люди в очереди стояли и набивали этой грязью свои авоськи... Помню еще огромный магазин "Электротовары" возле Белорусского вокзала. Там при Брежнев было много чего, холодильники разные... А когда я туда заглянул в 1991 году, на прилавках лежали только довоен-

ные убогие розетки и какие-то древние шнуры. Все это было до того, как Гайдар пришел к власти. Сейчас мы видим следствие его правления. Говорят, многоим купить в этих магазинах не на что, но я особо голодных-то и не вижу. Напротив, когда сейчас захожу в магазины, вижу там много народу. Опять-таки – у нас есть мифы хорошие, и есть мифы плохие.

– У вас в квартире висит ваша картина с тремя героями: Пушкин, Гоголь... А кто третий?

– Разве на меня не похож? Не подумайте, что это мания величия – просто есть у меня такая шутовская серия. Вот, к примеру: "Возвращение писателя Владимира Войновича на родную землю на белом коне"...

– Стало быть, это ваши учителя в литературе?

– С большой буквы мой Учитель – Гоголь. И – Пушкин как прозаик. Еще назвал бы Чехова. Замечу, что мой роман "Москва 2042" многие люди сравнивают с оруэлловским романом, причем кое-кто из недоброжелателей говорит, что это подражание Оруэллу – причем в худшую сторону. А в романе никакого подражания нет. Я вообще Оруэлла не очень люблю и не считаю себя ни его соперником, ни, тем более, учеником. Как ни странно, импульс к написанию этого романа был усилен при чтении "Капитанской дочки". Если внимательно прочесть пушкинскую повесть и мой роман, то можно заметить отдаленное родство. Мне интересны культ личности, эффект самозванства и т.д.

– Как вы думаете, Гоголю понравились бы книги его ученика Владимира Войновича?

– Учитель не обязательно должен быть доволен своим учеником.

И потом, хоть я и называю такие громкие имена, но совершенно не обязанность, что я им должен соответствовать. Есть же легенда: однажды к Шекспиру пришел начинающий писатель и сказал, что тоже хочет стать Шекспиром. На это Шекспир ответил: "Боже мой, я хотел стать Богом, а стал только Шекспиром. Кем же станешь ты, если

хочешь стать только Шекспиром?!" У писателей моего поколения было две школы: поскольку у старшего поколения советских писателей учиться по большому счету было нечему, мы учились у классиков. Причем у того же Булгакова я учиться не мог – я его не знал. Другие учились у крупных западных писателей, которые в отличие от современных нам русских писателей были уже известны...

– Есть ли у вас ученики?

– Вот, например, Виктория Токарева – она и есть моя ученица. Мы встретились, когда я читал один из своих рассказов "Хочу быть честным" в литобъединении "Магистраль". Рассказ был о человеке, который недавно умер... По окончании ко мне подошла девушка 25 лет и говорит: "Меня тоже интересует похоронная тематика. Можно вам показать свои рассказы?" И она принесла несколько рассказов, которые мне почти все не понравились. Только в одном я что-то увидел и посоветовал ей, как этот рассказ следует переделать: все действие свести в один день и дать название "Один день без вранья". Она так и сделала и с тех пор стала известной писательницей... Конечно, на некоторых молодых прозаиков производит впечатление мой "Чонкин", и они начинают писать в таком же духе. Но я не могу сказать, что у меня есть прямые ученики. Да и Токареву моей ученицей можно считать условно.

– Существует ли в литературе школа Войновича?

– Сейчас время разъединения. Школы возникают не сознательно – стихийно. У нас тоже была школа, когда я учился в Московском областном пединституте: там собралась группа студентов, которые что-то писали – я, Олег Чухонцев, Георгий Полонский, где-то рядом был автор песен Юрий Энтин... Хотя эта группа и сложилась случайно, все равно мы все влияли друг на друга – писали, обсуждали, говорили о литературе и жили какое-то время довольно-таки тесной группой. Конечно, такое бывает не всегда, но

время от времени случается. Так появились передвижники, "Могу-чая кучка" и другие.

– Довольны вы своей издательской судьбой?

– Да. Меня много издают, хотя на эти издания, если говорить о материальной стороне, жить невозможно. Правда, премии помогают. Вообще по нынешним временам писатель, если он не сочинитель модных детективов, своим трудом на жизнь заработать не может. Если писатель – известный, к нему поступают разные предложения, идут экранизации его произведений, выступления, – словом, как-то существовать можно. Но не на книги! Это при всем при том, что мои книги издаются в больших количествах и здесь, и за границей.

– А почему бы вам не написать детектив? Вам-то это сделать – раз плюнуть...

– Во-первых, мне это – не "раз плюнуть". Был бы помоложе, может, и попробовал бы. Но я вырос в эпоху, когда эти детективы не были в такой моде. Я в эту сторону как-то и не смотрел, а сейчас я уже стар для такого эксперимента. Да и жалко тратить на это время. Для меня в литературе всегда было важно осуществить то, что у меня внутри...

– Что происходит с нашей литературой?

– В этом смысле я думаю о самом себе. А литература вообще... Куданибудь она придет. Я – не критик, не литературовед и за общим течением литературы особо не слежу. У меня есть свои задачи в литературе, о которых я и думаю: мне надо сделать это, это и это. И это меня заботит гораздо больше.

– Вы видите свет в конце тоннеля?

– Страна развивается, страна ушла от очень тяжелого прошлого и – через пень-колоду – куда-то идет. Я не хочу, чтобы мои слова были поняты так, что я сейчас всем доволен. Я недоволен очень много. Но когда сейчас начинают вспоминать советскую власть как очень хорошую, добрую, я ее вспоминаю совсем не такой. Слава богу, что эта власть кончилась.